

Среди множества хитросплетений, тайн и загадок "Отверженных" не осталось, кажется, ни одной, которую автор не раскрыл бы в конце концов к удовольствию терпеливого читателя. И все же одна такая загадка есть! Откройте вторую часть романа и внимательно перечитайте описание женского монастыря Малый Пикпюс, куда, спасаясь по крышам спящих домов от сыщика Жавера, прыгает беглый каторжанин Жан Вольжан. Во-первых, описание это настолько скрупулезно, что сделать его мог лишь знаток монастырской жизни, непосредственный наблюдатель ее, каковым автор ни в коем случае быть не мог, ибо мужчины в женскую обитель, как, впрочем, и во всякую другую, не допускались. (Исключение делалось лишь для архиепископа.) А вторых — что и является загадкой — страницы эти написаны как бы другой рукой, не столь размашистой и мощной. Целостность нарушена, по монолиту пробежала трещинка... Однако бесхитростным описаниям этим как-то особенно веришь. Такое впечатление, что скромные строки выводил не вулканизирующий гигант, а одна из обительниц сего божьего заведения.

Так оно и есть... Выходит, Гюго воспользовался чужим текстом? Это Гюго-то, который всю жизнь держался железного правила: никогда ничего не брать у других! И вдруг — отступил. Вдруг — нарушил. Либо... Либо по каким-то причинам не счел данный текст чужим текстом. По каким? Не оттого ли — приходит в голову, — что рука (разумеется, женская), которая писала его, принадлежала ему безраздельно? Кто же в таком случае эта услужливая незнакомка?

Жюльенна Говэн — так ее звали, но на белой мраморной плите, под которой покоится прах таинственного соавтора "Отверженных", выбито другое имя: Жюльетта Друэ.

Это псевдоним. Псевдоним, который взяла себе дочь портного, избрав — не без колебаний — артистическую карьеру.

Путь к сцене лежал через монастырь, где рано осиротевшая девочка провела несколько лет и уже собиралась остаться здесь навсегда, посвятив себя Богу, однако волею обстоятельств была брошена в кипящую божественную жизнь. Родила дочь от некоего скульптора, у которого, разумеется, и в мыслях не было жениться на своей натурщице, потом... Потом пошла по рукам.

Великолепная куртизанка и посредственная актриса, Жюльетта Друэ почитала за честь сыграть в пьесе Гюго. Хотя в какой-нибудь...

Такая пьеса появилась. Это была драма — первая драма Гюго в прозе — "Лукреция Борджа". Действие происходит в Италии XV века и вертится вокруг незаконнорожденной папской дочери, неслыханной злодейки, которую закатывают в конце концов во дворец "у божественной княгини Негрони".

Есть все основания полагать, что эпитет "божественная" вставлен автором прямо на репетиции, где он увидел в роли княгини (по существу, эпизодической роли) Жюльетту Друэ. "Между нами говоря, — признается Гюго устами одного из героев пьесы, — она начинает сильно царапать мое сердце".

Премьера состоялась второго февраля 1833 года — это первое представление прошло триумфально, — а спустя две недели, в разгар масленицы, была их первая ночь.

"Помнишь ли ты, моя дорогая возлюбленная, нашу первую ночь..."

Это опять Гюго, но говорит он уже не устами героя, а своими собственными — в письме, написанном Жюльетте спустя несколько лет, как раз в годовщину той незабываемой даты...

"Ничто — даже сама смерть не изгладит в моей памяти этого воспоминания. Все мгновения этой ночи проносятся сейчас одно за другим в моем воображении, подобно звездам, проносящимся перед очами моей души".

Далее Гюго закликает возлюбленную никогда не забывать "этих таинственных часов, изменивших всю твою жизнь".

О своей жизни он не говорит — только об ее. "Эта ночь была символом и одновременно прообразом великого светлого праздника, свершившегося в тебе".

А в нем? На этот счет в письме нет ни слова. "Таинственные часы" разнообразили его существование, но изменить не изменили, такого не мог сказать даже он, склонный все на свете преувеличивать. Своим чередом шла его жизнь (не шла — кипела, хлопотала) — и жизнь литера-

турная, и жизнь политическая, к коей он чувствовал все больше и больше вкуса, и жизнь семейная, на которую его новая подруга ни в коем случае не покушалась. "Ничем, — предупреждала, — не жертвой ради меня".

Однажды, когда ни жены, ни детей не было в Париже, он украдкой привел ее к себе. На следующий день она поблагодарила его за доверие, но призналась, что вынесла из этого посещения "чувство горести и ужасной безнадежности".

"Теперь я гораздо больше, чем прежде, чувствую, как я разлучена с вами, до какой степени я для вас чужая".

Это не упрек, упаси Бог — "вы в этом не виноваты, мой бедный, любимый мой; и я тоже не виновата, но уж так получилось... Если вам хоть немного жаль меня, помогите мне выйти из того униженного положения, в котором я нахожусь. Помогите мне подняться, ведь поза коленопреклоненной рабыни мучительна и для души и для тела".

я умру".

Не умерла... Ни при первой, ни при второй, тем более что неопровержимых доказательств у нее не было. Да она и не искала их.

Доказательства нашли ее сами. В один прекрасный день близкая и многолетняя подруга Гюго вложила в большой пакет несколько его писем к ней, отобрав самые пылкие, перевязала алой ленточкой и отправила сопернице своей Жюльетте. Та прочла их в своем уединении — вот уж много лет она по требованию своего господина вела монашеский образ жизни, — легла, не раздеваясь, на диван и пролежала так двое суток. Потом села к бюро, придвинула лист бумаги и написала: "Я благодарна этой женщине за то, что она была столь беспощадна, приведя доказательства твоей измены. Она по самую рукоять вонзила в мое сердце кинжал, показав, какое чувство обожания ты питал к ней в течение семи лет. Это было цинично и жестоко с ее стороны, но вместе с тем и честно. Эта женщина успеш-

скими фарфоровыми лампами, между которыми красуется бутылка водки. Божество окружено существами женского пола. Ими занят весь диван".

Но если для наблюдателя нравов это всего-навсего колоритная сцена, которую он, вернувшись домой, со вкусом запечатлеет в дневнике, то стареющая спутница жизни (а разве Жюльетта не была таковой в самом что ни на есть прямом смысле слова?) воспринимала эту вечную женскую круговорот несколько иначе.

"Право, я уже не в силах переносить мучения, постоянные возрождающиеся в моем бедном любящем сердце, и противостоять целой стае молодых искушительниц... Нет, довольно, я спрячу ключ от своего сердца под дверь и пойду куда глаза глядят".

И спрыгала! И пошла! Словом, в один ясный сентябрьский денек Жюльетта исчезла.

Прочитав ее прощальное письмо, стареющий лев издал рык боли — записная книжка Виктора Гюго зафиксировала эту сцену с точностью до минуты. Проставив машинально дату и время — половина восьмого утра, — он начертал: "Катастрофа. — И добавил, подумав: — Мучительное волнение... Ужасная ночь..."

Заканчивалось четвертое десятилетие их любви...

Заканчивалось четвертое десятилетие их любви, а это значило, что он без нее уже не мог. Телеграммы, которые он слал ей наобум, по всем мыслимым адресам, превзошли своей выразительностью и внутренним огнем лучшие его тексты.

Она не устояла. Она сообщила, что возвращается.

На этот день в театре была назначена генеральная репетиция, но он объявил, что не сможет присутствовать: ему надо быть на вокзале, встречать поезд.

Поезд прибывал пять минут десятого — Гюго явился без десяти восьми, даже не позавтракав. Семидесятилетний классик, патриарх европейской литературы, в нетерпении вышагивал более часа по мощеному пятаку. Купил хлебец за один су и, проламывая рысьими своими зубами хрустящую корочку, сжевал добрую половину...

Теперь они поселились вместе — с его овдовевшей невесткой, с его внуками, которых Гюго обожал. Он в полной мере овладел "искусством быть дедом" и даже назвал так один из своих последних поэтических сборников.

Невестка с Жюльеттой ладила и лишь однажды, когда подруга свежера самовольно перебралась на спальный этаж, выразила неудовольствие и даже пригрозила съехать на другую квартиру — разумеется, с детьми, которые, считала воспитанная в строгих правилах мать, не должны видеть подобные "вольности". Пришлось спуститься этажом ниже.

Здесь она сразу же взяла в руки перо: Гюго зарыл-таки ее этой страстью: хвататься чуть что за перо.

"Дорогой, дорогой и любимый мой! Разлука, которой я боялась, как несчастья, уже свершилась".

Жюльетте было без малого семьдесят. Она сделала паузу, прислушалась к сердцу — "сердце мое полно грустных предчувствий" — и продолжала: "Нас разделил этаж, — словно сломали мост между нашими сердцами".

Жюльетте было без малого семьдесят, но разве возраст помеха для любви? В первый день нового, 1833 года он получил от нее поздравительную открытку — последнее, что она, уже смертельно больная, написала.

"Дорогой, обожаемый мой, не знаю, где я буду в эту пору на следующий год, но я счастлива и горда тем, что могу подписать свидетельство о своей жизни в истекшем году двумя словами: Люблю тебя. Жюльетта".

Заканчивалось пятое десятилетие их любви...

Когда-то, девочкой, живя в монастыре, она собиралась посвятить себя Богу — судьба распорядилась иначе, и она посвятила себя божеству. А в память о монастырской жизни написала воспоминания, которые первый романист Франции, отступив от золотого своего правила не брать чужого, построил искусно в величественное здание "Отверженных".

Но разве написанное ею — чужое? Рукопись воспоминаний Жюльетты Друэ и рукопись романа Виктора Гюго были впоследствии переплетены вместе — точ-в-точ, как оказались переплетенными их судьбы.

Руслан КИРЕЕВ.

Уроки любви

Труд - 1995 -
3 марта - 15.

Послушница, актриса, куртизанка

Она же — тайный соавтор Гюго

Короче говоря, она не желает больше быть содержанкой, она не желает больше быть куртизанкой, она умоляет его помочь ей избавиться от озверевших кредиторов, чтобы жить отныне по средствам, сколько бы скромны они ни были, — он мол-бу эту услышал. Для нее началась новая жизнь.

Сохранился уникальный документ — именно документ, и именно уникальный, поскольку второго такого в многовековой истории любовных отношений, кажется, нет.

"Вчера, 3 июля 1834 года, в половине одиннадцатого вечера, в гостинице "Цит Франция", я, Жюльетта, была самая счастливая и самая гордая женщина на свете... Настоящее письмо, имеющее форму протокола, является документом, устанавливающим состояние моего сердца. Этот документ, составленный нынче, действителен до конца моей жизни на земле; в тот день, час и минуту, когда он будет мне предъявлен, обязуюсь вернуть вышеупомянутое сердце в том самом состоянии, в каком оно сегодня находится, то есть наполненным одной-единственной мыслью — мыслью о тебе".

На такое поэт мог, разумеется, отвечать только стихами. И Гюго отвечал. Нередко тут же, не сходя, как говорится, с места...

"Никогда не забывай те строки, которые написаны в твоей постели, когда ты, нагая и прелестная, была в моих объятиях и пела песни голо-сом, хватающим за душу. Простенькие песенки, которые ты делала очаровательными. Я сложил стихи, а ты вложила в них поэзию".

Заканчивалось первое десятилетие их любви...

В 1843 году у него утонула дочь — в тот день, когда он узнал об этом, с ним была не жена, а она, Жюльетта. Она вообще была рядом во все трудные часы и дни его жизни, она переписывала его рукописи, она знала наизусть все его стихи, она давала ему советы, и он, случалось, прислушивался к ним...

"Да, да, я жена твоя, правда ведь, обожаемый мой? Ты можешь, не краснея, признать меня своей женой, и все же я прежде всего твоя любовница, это мое первое имя, имя, которое я ценю превыше всего и хочу сохранить".

Но если жена у человека одна — по европейским, во всяком случае, меркам, то любовниц может быть сколько угодно. Тем более у мужчин с темпераментом Гюго — знающая жизнь, прошедшая через огонь и воду Жюльетта Друэ прекрасно понимала это. Нет, она не намерена закатывать сцен, но предупреждает: "При первой же твоей измене

но выполнила роль моего палача. Все удары отличались точностью".

Заканчивалось второе десятилетие их любви...

Двадцать лет — срок, который уже сам по себе обесценивал прочие его связи: ни одна из них не держалась столь долго. Кроме, разумеется, супружеской. Семья для одинокой Жюльетты была свята.

"Не беспокойся обо мне, мой дорогой и бедный возлюбленный, ведь я люблю тебя всего нежнее и увереннее именно тогда, когда знаю, что ты должен предаться семейным обязанностям и заботам об обеспечении покоя и счастья твоих жены и детей. Посвяти себя всецело, пока ты будешь здесь, твоей достойной и мужественной жене... Утешай ее и развлекай, как только можешь, щедро оказывая ей внимание и любовь, которых она заслужила, и не бойся, что когда-нибудь истощится мое терпение и мое доверие".

Она сохраняла их союз, как могла, и супруги Гюго, в общем, ладили, но это давно уже были отношения не мужа и жены, а старых друзей, соратников, товарищей по несчастью — особенно когда трибун и бунтарь вынужден был после восшествия на престол Луи Наполеона Бонапарта покинуть на долгие годы Францию.

Жена осталась в Париже, Жюльетта, не раздумывая ни минуты, отправилась следом за ним. Заканчивалось третье десятилетие их любви...

Многое изменилось; теперь ее даже официально приглашали в respectable дом Гюго. Сперва это сделала хозяйка, но Жюльетта, горячо поблагодарив и сославшись на уединенный образ жизни, приглашение отклонила, а потом — и сама глава семьи.

Ответ несостоявшейся монахини и несостоявшейся актрисы великолепен.

"Позволь мне, — писала она, — отказаться от этого счастья и чести и не нарушать осторожности, деликатности и уважения, с которым я тридцать лет относилась и к твоему, и к моему собственному дому... Позволь мне не нарушать нравственных убеждений всей моей жизни и сохранять достоинство и святость моей любви".

Через три года после этого письма Гюго овдовел, и Жюльетта Друэ стала наконец единственной...

Единственной? О, как бы не так!

Однажды в субботу один из братьев Гонкуров, автор знаменитого "Дневника", отправился с приятелем навестить вдовца. Застаем его в просторной комнате особняка; буфет светлого дерева, точно в столовой, камин украшен двумя китай-